

О РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ ТАТАР В ОКРУГЕ ОРЕНБУРГСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ

ЗАГИДУЛЛИН

Ильдус Котдусович

д-р ист. н., заведующий отделом
средневековой истории, Институт
истории им. Г. Марджани АН РТ
Министерства образования и науки РТ
(420014, Россия, г. Казань, Кремль, под. 5).
E-mail: zagik63@mail.ru

Аннотация. В статье дается характеристика религиозно-культурной автономии татар-мусульман — системы реализации мусульманами в аграрной России своих духовных и культурных потребностей в рамках мусульманских приходов округа Оренбургского магометанского духовного собрания и ее основных сегментов через призму различных правовых систем — норм шариата, обычного права и российских законов.

Ключевые слова: религиозно-культурная автономия, округ Оренбургского магометанского духовного собрания, мусульманские приходы, мусульманское духовенство, конфессиональные школы, мечети.

В Волго-Уральском регионе и Западной Сибири после учреждения в 1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) повсеместно получила легитимность религиозно-культурная автономия татар — система реализации мусульманами в аграрной России своих духовных и культурных потребностей в рамках мусульманских приходов. В рамках концепции конфессионального государства самодержавие предоставляло этноконфессиональным меньшинствам, в т. ч. мусульманским народам округа ОМДС, свободу вероисповедания.

Получение российскими подданными определенных прав по самоуправлению по сословному признаку было обусловлено особенностями развития российского общества. Религиозно-культурная автономия мусульман в округе ОМДС состояла из религиозно-сословных автономий, обусловленных различным социальным статусом мусульман. Можно выделить следующие религиозно-сословные автономии, существовавшие в рамках единой религиозно-культурной автономии во главе с ОМДС: казаков, башкир, мещеряков, тептяр, бухарцев, крестьян и т.д. В условиях православного

История

Российского государства и инокультурного окружения их объединяли религиозный менталитет и чувство конфессиональной солидарности.

Важно отметить, что в мусульманских сельских поселениях существовали три общественных института: 1) поземельная община; 2) сельское общество и 3) мусульманский приход. Их территории не всегда совпадали.

Община была хозяйственным союзом представителей сельского сословия, связанных общим земельным наделом. С 1838 г. хозяйственный союз крестьян стал официально именоваться «поземельной общиной» и получил право юридического лица — представлял интересы коллектива хлебопашцев и своих членов перед государственными, судебными и общественными учреждениями и частными лицами¹. Именно поэтому экономическую основу сельских приходов составляло общинное землепользование с уравнительным землепользованием крестьян, объединенных общими экономическими интересами и обязательствами перед государством, и крестьянские хозяйства прихожан.

Сельское общество, основанное на совместном жительстве и управлении крестьянского сословия, являлось поселенным объединением². Государство использовало крестьянскую общину как административно-податную единицу, не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь. В результате реализации реформы П. Д. Киселева 1838–1849 гг. в государственной деревне крестьянская община впервые была признана «сельским обществом» и самоуправляющейся административно-хозяйственной единицей. Татарские поземельные общины, как правило, охватывали все селение (простая община), поэтому характерной чертой татарских деревень являлось наложение функций этих двух институтов.

Автономность сельского общества и крестьянской общины в решении социальных проблем существенно дополняла и облегчала организацию религиозно-обрядовой жизни и обеспечивала религиозные институты источниками существования в рамках единого религиозно-культурного пространства в моноязычной среде обитания.

В юридическом плане в татарских селениях существовали три правовых поля: усеченные шариатские нормы, светские законы и обычное право.

Шариатское право регулировало жизнедеятельность исламских институтов, религиозный уклад местных жителей, семейно-брачные отношения, раздел наследства и собственности между членами семьи. В условиях отсутствия института наказания по шариату соблюдение религиозных предписаний основывалось на авторитете духовенства, религиозном рвении прихожан и мнении общины. Нередко шариатское

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. Т. 1. С. 429, 430.

² Марискин О. И. Государево тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2004. С. 104.

поле распространялось на односельчан по мере того, как о происшедшем событии узнавал мулла и реагировал на него.

До конца XVIII в. самоуправление крестьян производилось по нормам обычного права, которые существовали в виде устной традиции. В 1797 г. казенное ведомство, а в 1798 г. удельная администрация составили уставы, регламентирующие общественное устройство в селениях, учредили волости. Однако и после Судебной реформы 1864 г., вплоть до падения самодержавия, мелкие правонарушения продолжали рассматриваться волостными судами на основе обычного права. В принятии решения большую роль играла личность волостного старшины, а также этноконфессиональный состав волостного суда. В волостях, где преобладали мусульмане, эти вопросы находились в их компетенции. Символично, что сельскому обществу по согласованию с администрацией и судебными органами разрешалось выдворять провинившихся крестьян из общины и ссылат в Сибирь.

С 1866 г. крестьянская община превратилась в институт государственного права, в административную ячейку системы государственного управления и была поставлена под контроль правительства¹. Реальное наполнение правительственный контроль над крестьянской (и религиозной) общиной получил после введения по Положению 1889 г. института земских окружных начальников с широкими правами по надзору над социальной жизнью сельского населения и пресечению правонарушений.

Таким образом, компактное расселение мусульман на значительных территориях придавало религиозно-культурной автономии новые черты. С одной стороны, оно расширяло моноязычную среду общения до уровня волостей или нескольких соседних волостей, с другой — в нее вписывались крестьянские органы самоуправления — сельские общества и волостные правления, а также кантоны (в 1798–1865 гг., у мещеряков и башкир).

ОМДС. Духовное собрание выступало перед центральными и местными органами власти защитником интересов российской уммы в вопросах расширения поля применения шариата в имперском социокультурном пространстве и создания условий для исполнения религиозных потребностей мусульман в стране.

Оно представляло собой коллегиальное учреждение, состоящее из муфтия и трех казыев (заседателей) и служащих канцелярии, и дела решались простым большинством голосов его членов. Личные решения муфтиев не имели силы судебных приговоров и не принимались к исполнению. Оренбургский муфтий назначался императором. Эту высокую должность занимали Мухамеджан Хусаинов (1788–1824), Габдес-саям Габдрахимов (1825–1840), Габдулвахид Сулейманов (1840–1862),

¹ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 430, 462, 463.

Салимгарей Тевкелев (1865–1885), Мухамедьяр Султанов (1886–1915), Мухаметсафа Баязитов (1915–1917).

Первоначально ОМДС должно было заниматься только назначением в приходы духовных лиц. Постепенно происходило расширение его компетенции. Определелись следующие основные предметы ведения Духовного собрания:

- 1) производство испытаний лицам, желающим занять какую-либо духовную должность;
- 2) надзор за действиями мулл, относящимися к их духовным обязанностям, и наложение взысканий за нарушения;
- 3) постройка, ремонт мечетей и назначение в них духовных лиц;
- 4) заведывание метриками;
- 5) рассмотрение в качестве второй инстанции жалоб на приходское духовенство по следующим делам:
 - а) о порядке богослужения, обрядах и исправлении треб;
 - б) о заключении и расторжении браков;
 - в) о частной собственности в случае споров, возникающих по завещаниям или при разделах наследственных имуществ;
 - г) о неповиновении детей родителям;
 - д) о нарушении супружеской верности;
- 6) заведывание метрическими суммами, брачными и другими сборами;
- 7) управление приходским (мечетским) и школьным имуществом;
- 8) причисление к приходам лиц, перешедших в ислам из других исповеданий.

До 1870 г., т. е. до появления Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев от 26 марта, установивших правовые основы школьной политики в Казанском и Одесском учебном округах¹, мектебы и медресе подчинялись министерству внутренних дел, иначе говоря, ОМДС. В 1874 г. конфессиональные школы были переданы в ведение министерства народного просвещения.

ОМДС, не имея возможности осуществлять контроль над приходским духовенством, лишь реагировало на поступавшие жалобы прихожан или священнослужителей друг на друга и принимало по ним решения. Его решения доводились до адресата через губернское или волостное правление после расследования ОМДС, которое, как правило, поручалось местной администрации, а также авторитетному имаму². Переписка с приходским духовенством осуществлялось на татарском языке

¹ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Ч. 1. С. 281–283.

² Гарипова Р.Р. Политика брака и развода у мусульман Волго-Уральского региона в имперской России конца XIX — начала XX века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сборник статей. Казань, 2011. Вып. 2. С. 174.

ке с переводом текстов на русский язык или наоборот. Предание суду и возбуждение судебного преследования также не являлись его функциями. Духовное собрание могло лишь сообщать о незаконных поступках духовных лиц и ходатайствовать о возбуждении уголовного дела¹.

В конце XIX — начале XX вв. ОМДС выступало за внедрение книжного народного языка, формирование начальной светской национальной системы образования, издание просветительской и полезной в практическом плане литературы для населения².

Приходы. Массовыми ячейками религиозно-культурной автономии татар являлись зарегистрированные в установленном порядке мусульманские религиозные общины — приходы. Они были призваны осуществлять выполнение религиозных потребностей прихожан. В приходах исполнение религиозных ритуалов было сосредоточено исключительно в руках «указных» (назначенных властью) мулл. Такой порядок предусматривал осуществление правительством контроля над общественной жизнью религиозных общин.

Естественный прирост населения обеспечил существование на рубеже XIX — XX столетий автономного прихода практически при каждом селении, что было важно в плане учреждения в нем начальной школы. В начале XX в. существование в среднестатистическом селениях двух и более приходов стало обычным явлением.

Несмотря на то что по российскому законодательству мусульманский приход не имел права юридического лица, фактически он им пользовался. Приход обладал общественными (богослужебным и/или учебным) зданиями, недвижимым имуществом, приносящим доход, которое по закону закреплялось за мечетью или зданием конфессиональной школы; интересы прихода в местности представляло духовенство благодаря своему легитимному избранию; прихожане путем избрания доверенных лиц могли отстаивать свои интересы перед властью, подавали прошения о своих нуждах и чаяниях. Существование в сельском поселении, на одной той же территории поземельной общины сельского общества и прихода позволяло при необходимости использовать полномочия сельского общества для решения насущных проблем прихода, прежде всего связанных с материальным обеспечением исламских религиозных институтов.

Наиболее популярными народными праздниками у татар являлись Сабантуй и Джиен. Несмотря на отдельные случаи противодействия их проведению со стороны духовных лиц, народные праздники оставались неотъемлемым атрибутом общественной жизни общины.

Мечеть. При большинстве мусульманских приходов существовала мечеть — место богослужения и собраний прихожан, начальная школа в доме

¹ Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX в. Уфа: Гилем, 1996. С. 166.

² Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография. Казань: Татарское книжное изд-во, 2007. С. 421.

муллы или отдельном здании. Законодательством разрешалось определять при соборной (джами) мечети трех духовных лиц, при пятивременной — двух. Во второй половине XIX — начале XX в. в приходах округа Оренбургского магометанского духовного собрания (Поволжье, Приуралье, Сибирь) средняя численность духовных лиц увеличилась с 1,6 до 2,2 чел¹.

Религиозное собрание в мечети выполняло важную социальную и коммуникативную функцию: здесь правоверные обменивались новостями, решали насущные проблемы этноконфессиональной общины, здесь происходило общение муллы с прихожанами, которое затем продолжалось во время исполнения духовных треб в домашних условиях. В начале XX в. по мере появления благотворительных и культурно-просветительских организаций решение некоторых проблем перешло в компетенцию новых общественных учреждений.

Приходское духовенство. Мусульманские духовные лица были общественными институтами: их избрание находилось в компетенции прихода. Губернское (областное) правление направляло лицо, избранное приходом в качестве кандидата на духовную должность, на испытание в ОМДС. По итогам экзамена ОМДС выдавало свидетельство, в котором было указано духовное звание. В татарских сельских общинах, не имевших экономической возможности содержать нескольких религиозных деятелей, духовное лицо выполняло одновременно ряд функций: имама, руководившего общественной молитвой и исполнявшего духовные требы местных жителей; казия (судьи), решавшего вопросы наследства и споры между прихожанами, мугаллима (мударриса), преподающего основы ислама.

Правительство возложило на духовенство ряд административных обязанностей. Как представитель власти, мулла принимал присягу должностных лиц, гласных органов городского самоуправления, земских собраний, рекрутов или новобранцев, свидетелей и обвиняемых в судебных учреждениях, прихожан после вступления нового российского государя на престол, составлял документы гражданского акта, выдавал по метрическим книгам (с 1829 г.) имевшие юридическую силу выписки о рождении, смерти, семейном положении, призывном возрасте прихожан.

В 1916 г. в округе ОМДС насчитывалась 6081 мечеть, при которых служили 13 328 духовных лиц, в т. ч. 220 ахунов, 3 822 хатибов, 3 346 имамов, 5 940 муэдзинов².

Конфессиональная (национальная) школа. В мектебе и медресе реализовывался важнейший принцип исламского религиозного образования — его доступность всем стремящимся к знаниям без каких-либо ограничений.

¹ Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. н. изд-во, 2007. С. 144.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 545. Л. 128.

Одним из требований прихожан к приходскому духовенству являлось обучение детей основам ислама. Мектеб, как правило, располагался в или одном из зданий усадьбы, или в доме имама, или в небольшом жилом помещении, специально построенном или переоборудованном под школу.

Начальная школа, наряду с семейным воспитанием, закрепляла в сознании подрастающего поколения сегменты этноконфессиональной идентичности, важнейшим постулатом которой было воспитание правоверного мусульманина. Полученные в мектебе знания в условиях отсутствия потребности в постоянном чтении книг во взрослой жизни выпускники начальных школ использовали в повседневной жизни при исполнении ритуалов, приводя свои поведенческие нормы и жизненные приоритеты в соответствие с нравственными ценностями ислама.

Мектебы имели религиозную направленность. Учебный курс соответствовал поставленной цели: обучить детей чтению и письму, ознакомить с установками ислама, воспитать их «в доброй нравственности». Учебными предметами являлись: чтение и письмо на арабском языке, исламское вероучение, начальные сведения по арифметике. Обучение продолжалось, как правило, 3–4 года. Арабский текст изучался буквослагательным методом. В процессе обучения разговорный язык не использовался.

Обучением девочек основам ислама, молитвам и чтению занимались, как правило, жены духовных лиц. Письму девочек не учили — считалось, что шариат запрещает.

Медресе представляли собой среднее и высшее учебные заведения, готовящие мусульманских духовных лиц, знатоков мусульманского права. Полный курс учения в медресе не имел какого-либо определенного срока. Для прохождения полного курса наук требовалось 10–15 лет¹. В действительности так долго обучаться в медресе могли немногие. Как правило, шакирды, одолев 5–6 курсов, стремились занять духовные должности.

В 1880-х гг. выработалась новая концепция развития национального образования. Крымско-татарский просветитель И. Гаспринский предложил трансформировать мусульманское общество России по европейской модели — путем сохранения национально-религиозных традиций². Реформы социокультурной жизни татар начались с начальной школы — с введения звукового метода изучения азбуки. Важную роль в распространении звукового метода сыграл составленный и изданный им в 1884 г. букварь «Ходжаи сыйбиян» (Учитель детей).

¹ Фархитов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е гг. Уфа: Наука, 1994. С. 67–68.

² Тарджеман [Переводчик]. 1891. 23 февр.

Введение новометодного образования предполагало, помимо изучения грамоты по буквослагательному методу, ряд новшеств в учебном процессе:

- начальная школа отделялась от медресе;
- для ибтидаи (начальной школы) назначались специальные учителя, т. е. происходило формирование группы учителей начальной школы;
- учитель работал не за подношения (садака) родителей учащихся, а за ежемесячную фиксированную зарплату;
- для девушек открывались отдельные школы, где они обучались письму.

Обучение велось по специальной программе, для разных возрастов составлялись различные учебные пособия¹.

Как важное направление религиозной деятельности джадидистов следует выделить религиозное просветительство широких слоев татарского населения, первым элементом которого предполагалась подготовка ученого муллы с прогрессивными взглядами. По их мнению, только такой человек мог внести новую струю в религиозно-бытовую жизнь мусульманской общины, в соответствующем духе наставлять прихожан и обучать их детей сущности ислама, не ограничиваясь лишь обрядовой стороной исполнения религиозных канонов.

Знаковым элементом в религиозном просвещении простого народа и учащихся мектеба стали книги, написанные на «народном языке», практически без примеси арабских и персидских слов, излагающие или объясняющие отдельные аспекты шариата и даже теологические проблемы. Такая практика должна была привести татарское общество к осознанному пониманию сущности и духа ислама, которого так боялись православные миссионеры.

Новометодное образование возникло как явление национальное по духу и содержанию. Оно органически выросло из существующей системы конфессионального образования и в методическом плане представляло собой новое, альтернативное традиционному направление обучения, а по сути явилось следующим качественно новым этапом эволюции татарского народного просвещения, сыгравшим огромную роль в реформировании всех областей жизни и деятельности татар-мусульман.

В 1905 г. была образована всероссийская мусульманская партия «Иттифак эл-муслимин», которая высказалась за расширение религиозно-культурной автономии и за создание национально-культурной автономии мусульман Российской империи.

¹ Баттал Г.-Б. Казан Төркиләре: тарихи язмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 130 б.

Литература

Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX в. Уфа: Гилем. 1996. 193 с.

Баттал Г.-Б. Казан Төркиләре: тарихи язмалар. Казан: Татар. кит. нәшр. 1996. 130 б.

Гарипова Р.Р. Политика брака и развода у мусульман Волго-Уральского региона в имперской России конца XIX — начала XX века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сборник статей. Казань. 2011. Вып. 2. С. 169–176.

Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татарское книжное изд-во. 2007. 416 с.

Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография. Казань: Татарское книжное изд-во. 2007. 423 с.

Марискин О.И. Государево тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: Изд-во Мордовского ун-та. 2004. 239 с.

Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1936. Ч. 1. 512 с.

Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 2000. Т. 1. 458 с.

Тарджеман (Переводчик). 1891. 23 февр.

Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е гг. Уфа: Наука. 1994. 144 с.

ON THE RELIGIOUS-CULTURAL AUTONOMY OF TATARS IN THE DISTRICT OF THE ORENBURG MOHAMMEDAN SPIRITUAL ASSEMBLY

Ildus K. ZAGIDULLIN

Dr. Sci. (Hist.), head of the Chair of medieval history, Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan of the Ministry of education and science of RT (5, Kremlin, Kazan, 420014, Russian Federation).
E-mail: zagik63@mail.ru

Abstract. The article is devoted to characteristics of religious-cultural autonomy of tatars-Muslims which was a system of implementation of their spiritual and cultural needs in the context of Muslim parishes of the district of the Orenburg Mohammedan spiritual assembly and of its main segments through the prism of different legal systems, such as standards of shari'a, customary right and Russian laws.

Keywords: religious-cultural autonomy, district of the Orenburg Mohammedan spiritual assembly, Muslim parishes, Muslim clergy, confessional schools, mosques.

